

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

СПЕЦИФИКА ИСЛАМОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В АСТРАХАНСКОМ РЕГИОНЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ МАТЕРИАЛА О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «АСТРАХАНСКОМ ХАБЕ» РОССИЙСКОГО ВАХХАБИЗМА

Викторин Виктор Михайлович, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: victvic@mail.ru

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор
Ульяновский государственный университет
Российская Федерация, 432000, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, 42
E-mail: armagomedov@gmail.com

В статье преодолевается упрощённый взгляд на процесс трансформации Астраханского мусульманского сообщества на этапах посткоммунизма. Авторы доказывают, что подобного рода публикации написаны на основе давно дискредитировавшего себя понятийного аппарата, который отождествляет ислам с ваххабизмом. В центре исследования – критический разбор тенденциозной публикации, в которой Астраханская область представлена в виде зловещего исламско – террористического анклава. В работе доказывается, что такого рода материалы наносят ущерб не только мусульманскому сообществу региона, но также внутренним и внешним представлениям об Астраханской области. Цель статьи – анализ особенностей исламо-политической трансформации в Астраханском регионе в постсоветский период. Данный анализ будет проводиться через исследование наиболее ярких событий и характеристик, оказавших решающее воздействие на специфику постсоветской трансформации астраханского мусульманского сообщества. Авторы показывают, что многие аспекты новейшей эволюции астраханского ислама проходила под воздействием процессов стремительного мусульманского подъёма на Северном Кавказе.

Ключевые слова: исламские коммуникации, «астраханский хаб», российский ваххабизм

SPECIFICITY OF ISLAMOPOLITICAL TRANSFORMATION IN THE ASTRAKHAN REGION IN THE POST-SOVIET PERIOD: NOTES ON THE FIELDS OF TEXT ABOUT THE SO CALLED “ASTRAKHAN HUB” OF RUSSIAN WAHHABISM

Viktorin Viktor M., Ph. D. (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatisheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: victvic@mail.ru

Magomedov Arbakhan K., D. Sc. (Policy), Professor
Ulyanovsk State University
42 L. Tolstogo St., Ulyanovsk, 432000, Russian Federation
E-mail: armagomedov@gmail.com

The article overcomes a simplified view of the process of transformation of the Astrakhan Muslim community at the stages of post-communism. The authors argue that such publications are written on the basis of a long-discredited conceptual apparatus that identifies Islam with Wahhabism. The study focuses on a critical analysis of a biased publication in which the Astrakhan region is presented in the form of an ominous Islamic – terrorist enclave. It is proved in the work that such materials damage not only the Muslim community of the region, but also internal and external ideas about the Astrakhan region. The purpose of this article is to analyze the characteristics of the Islamic-political transformation in the Astrakhan region in the post-Soviet period. This analysis will be carried out through a study of the most striking events and characteristics that had a decisive influence on the specifics of the post-Soviet transformation of the Astrakhan Muslim community. The authors argue that modern Astrakhan Islam has been developing under the strong impact of the social-Muslim transformations in the Northern Caucasus and primarily under religious-political pressure from the most Islamized Russian region – Dagestan.

Keywords: Islamic communications, Astrakhan “hub”, Russian Wahhabism

Об этом необходимо говорить снова и снова. История о том, что Астрахань является «столицей российского ваххабизма», а также «проходным двором» для джихадистов всех мастей – один из худших (особенно с учетом отсутствия очевидных доказательств) эпизодов в изучении постсоветского Прикаспия. В начале апреля 2017 г. была предпринята очередная попытка переписать историю постсоветского астраханского мусульманского сообщества. Информационное агентство "Eurasia Daily" (EADaily) опубликовало статью под названием «Астрахань – «Каспийский хаб» российского ваххабизма», дополненную не менее «жареным» подзаголовком: «Каспийская Венеция» России давно стала одним из главных очагов экстремизма на юге России» [2]. Статья анонимная и написана на основе давно дискредитировавшего себя понятийного аппарата, который отождествляет ислам с ваххабизмом. Публикация появилась по свежим следам нападения на полицейский наряд и последовавшей за ним спецоперации на окраине Астрахани 4–6 апреля 2017 г., во время которой была уничтожена разнонациональная преступная группировка. В результате нападения преступники убили двоих постовых, ранили нацгвардейца, завладели стрелковым оружием. Четверо нападавших уничтожены, еще четверо в розыске. Один из лидеров задержан. Непосредственно в убийстве полицейских подозреваются четверо, а не восемь человек, как поспешно сообщалось ранее. Курьезом можно считать то, что бывший губернатор Астраханской области А. Жилкин в самый день убийства полицейских назвал нападавших «группой радикальных исламистов-ваххабитов», а авторы EADaily обвинили в этом запрещенную в России группировку ИГИЛ (ДАИШ), которая охотно приписала себе эту диверсию. Говоря об Астрахани, деятели EADaily в своей статье с удовольствием педалировали ваххабитскую тему, заявив о том, что «исторически именно этот город можно считать родиной российского ваххабизма». Однако незадачливым «евразийцам» стоило бы знать, что еще в 2015 г. пути «ваххабизма Аль-Каиды» и исламского этатизма ИГИЛ-ДАИШ окончательно разошлись, вплоть до войны в Сирии между ними.

Что касается оценки ситуации в Астрахани, то она отражена со сплошными натяжками и параксронизмами, нарочитым сдвигом акцентов. Сделав сенсацию на астраханском теракте, «евразийцы» из EADaily надолго забросили ставшую неинтересной тему.

Однако нельзя назвать подобную публикацию случайным инцидентом. Данное событие имеет богатую и скандальную родословную в отечественной публицистике. Его можно оценить как продолжение прежних попыток представить Астрахань как один из влиятельных центров российского ваххабизма. Началось всё в 1998 г. со статьи Татьяны Пановой «Ваххабиты города Астрахани. В городе на Волге действует крупнейшая в России община мусульман-неофитов в газете "Сегодня"» [8]. Журналистка вкратце съездила с фотографом в Астрахань. Столичных журналистов интересовала община астраханских салафитов под руководством Ангута Омарова, более известного как Айюб Астраханский. Статья вышла с явным алармистским перефразом. Говорилось о том, что упомянутая община насчитывает полтысячи человек и имеет ячейки во всех (кроме одного) районах области, а Айюб организовал в 1990 г. съезд Исламской партии возрождения (ИПВ). Продолжена была данная традиция в не менее громкой публикации «Ваххабиты на Волге» в издании «Время МН» [3].

Однако появившиеся недавно исследования о новейшей трансформации астраханского мусульманского сообщества не добавили объективности в исследовании этой проблемы, а, наоборот, усугубили тенденциозное и поверхностное восприятие региона. Речь идет о последней статье казанской исследовательницы М. М. Имашевой «Миграция из республик Северного Кавказа как фактор радикализации ислама в Астраханской области в 1990–2010-е гг.» [6]. К сожалению, работа выполнена в явно поверхностном ключе, а автор, не утруждая себя глубоким анализом, во многих эпизодах повторяет сомнительные тезисы анонимного пасквиля EADaily на Астрахань.

Мы пока не начали подсчитывать тот ущерб, который подобные публикации нанесли мусульманскому сообществу региона, а также внутренним и внешним представлениям об Астраханской области. Не оценен также тот ущерб отечественной внутренней и региональной политике в тот критический момент, когда Россия приступила к ответственной фазе реализации проекта международного транспортного коридора «Север – Юг», в котором Астрахани предстоит играть важную роль. Однако то ли из жадности (антиваххабитские публикации горячо поддерживаются и щедро вознаграждаются), то ли по причине исступленной веры, авторы подобных публикаций продолжают увеличивать нанесенный прежде вред.

Самый лучший способ покончить с подобными домыслами – это добросовестно исследовать вопрос о том, как в действительности развивалось исламское сообщество Астраханского региона. Поскольку становится очевидным, что одна из причин данной ситуации – слабая изученность данной темы. Астраханский вариант ислама плохо исследован и практически остаётся маргинальным сюжетом в социально-гуманитарных науках. Можно полностью согласиться с астраханским исследователем А. Сызрановым в том, что «история и современное состояние ислама в Астраханском крае практически не изучены. Об исламе в Нижнем Поволжье нет специальных исследований» [9]. До сих пор рассмотрение местного исламского развития ведется усилиями считанных исследователей.

Цель данной работы – анализ особенностей исламо-политической трансформации в Астраханском регионе в постсоветский период. Данный анализ будет проводиться через исследование наиболее ярких событий и характеристик, оказавших решающее воздействие на специфику постсоветской трансформации астраханского мусульманского сообщества.

Мы не будем исследовать официальную мусульманскую политику астраханских властей в рамках развития государственно-исламских отношений в регионе. Эта тема достаточно подробно исследована в научной литературе, в частности, в работе А. Сызранова. Для нас важно понять астраханскую мусульманскую специфику.

Реализацию заявленной цели мы начнем с опровержения наиболее абсурдных суждений вышеупомянутой статьи «Астрахань – Каспийский хаб» российского ваххабизма» из информационного агентства «Eurasia Daily» (EADaily). Тон и энергию этой (еще раз отметим – анонимной) публикации задают два предложения, с которых начинается текст: «*Масштабная спецоперация Росгвардии в Астрахани по ликвидации бандитов, напавших на пост ДПС, стала еще одним подтверждением того, что «каспийская столица» России давно стала перевалочным пунктом для экстремистов всех мастей. Давняя идея российских властей превратить Астрахань в процветающий логистический хаб на пересечении международных транспортных коридоров пока так и остается на бумаге – зато международные экстремистские группировки активно используют этот город в качестве одной из своих главных баз на юге России.*».

Для начала необходимо возразить анонимному автору цитируемой публикации, что реализация идеи российского правительства по превращению Астрахани в один из центров международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг» остается на бумаге вовсе не потому, что «экстремисты всех мастей» напугали потенциальных участников данного проекта. А потому, что этот проект не стал для России делом государственной важности, о чем с горечью говорили портовые и логистические специалисты, выступавшие на общественно-экспертном семинаре «Перспективы развития транспортного коридора «Север – Юг» в современных геоэкономических условиях», который проходил в Астрахани 16–17 мая 2019 г.

Нет смысла останавливаться на избитых штампах «евразийцев» о том, что «в годы правления покойного губернатора Анатолия Гужвина (1991–2004) ваххабиты смогли стать в регионе влиятельной силой», что группу русских мусульман можно смело отнести к потенциальным джихадистам, что в регионе повсюду существуют «центры диверсионной подготовки для радикалов». В статье обильно цитируется один из самых одиозных российских исламофобов – Роман Силантьев, чья ненависть к исламу возведена в ранг его жизненного кредо. И чья общеобразовательная подготовка на этом фоне удручающе неадекватна. Так, сей знаток ваххабизма, говоря об общине астраханских салафитов, отметил, что членами общины были «дагестанцы по национальности». Позволим себе напомнить ретивому «исламоведу», что такой национальности не существует. В статье EADaily приводится его призыв брать под подозрение так называемые «нормальные», «традиционные» (т.е. неваххабитские) мечети за неимением «ваххабитских» [2].

Если говорить по существу, а именно о специфике астраханского ислама в контексте пограничного расположения региона на одном из оживленных транспортных перекрестков Северной Евразии, то для понимания данной специфики необходимо обозначить место Астрахани в системе общероссийских мусульманских координат.

Регион в системе российских исламских координат: «астраханская аномалия». Феномен мусульманской регионализации является одним из важных признаков исламского развития России. Мусульманская география в России была основана на исторически и географически обусловленной территориальности. Эта территориальность закреплялась фиксированными

пространствами: Северным Кавказом и Урало-Поволжьем. В рамках такого разделения весьма популярным стал компаративный анализ исламского развития на примере двух наиболее ярких мусульманских кейсов: Дагестана и Татарстана. Разделение между Татарстаном и Дагестаном воспринималось как пример неподвижной российской мусульманской симметрии: указанные республики являются не только географически обособленными, но и контрастирующими в исламо-политическом отношении. Сравнительный анализ развития ислама в этих двух ареалах стал весьма распространённой темой в научной литературе [1; 10; 12].

Дихотомия Дагестан – Татарстан была стандартной познавательной моделью, а об астраханском «отклонении» (в познавательном смысле) говорилось редко и мельком – как правило, историками и краеведами. Однако Астрахань как слишком очевидное несоответствие (аномалия, если воспользоваться термином Томаса Куна) разрушает всю конструкцию по выделению, сравнению, а иногда и противопоставлению волго-уральского и северокавказского ислама. Главным образом потому, что за постсоветские десятилетия мусульманская география стала изменчивой, а территориальность – подвижной. Мусульманская миграция и глобализационные процессы поставили под вопрос прежний принцип стабильности мусульманских территорий.

В отношении Астрахани мы будем использовать способ познания уникальности объекта исследования через выделение его особенностей. Этот метод можно назвать «экземплификацией». В чем состоит «астраханская аномалия», или «астраханский казус»?

Астраханская область как «композитное сообщество»: исторические корни и современная картина нижеволжской политической пластичности. В силу своего географического положения, отличается высоким уровнем миграционного притока из исламских регионов России, особенно из Северного Кавказа. Распад СССР привёл к тому, что Астрахань стала важным миграционным перекрёстком, через который перемещались массы людей из Северного Кавказа и Центральной Азии. Нестабильность ситуации на Северном Кавказе, в первую очередь в Чечне, привела к значительному увеличению в Нижнем Поволжье выходцев из этого ареала. Так, если в 1999 г. в Астраханской области было зарегистрировано по месту пребывания 9 257 граждан из российских северокавказских республик, то в 2000 г. их число выросло до 12 051 чел., а в 2001 г. до 15 372 чел.¹. Это ещё более усилило исторически сложившуюся поликонфессиональность и полиэтничность региона. В этом пункте необходимо отметить один парадоксальный факт. Все указанные процессы не создавали у астраханцев представления о своём регионе как об уязвимой территории, которая находится под угрозой этнических и религиозных конфликтов. Местное население не относится к мигрантам как к опасности, как это часто имеет место в других российских регионах. Это объясняется тем, что присутствие различных диаспор является обычной ситуацией для астраханцев. Для жителей Астрахани скорее непривычным было бы их отсутствие. Удивительно, но в лице Астрахани мы видим случай, когда наиболее пограничный регион России является наименее имперским. В свою очередь, астраханские диаспоры не используют факт собственного пребывания в качестве инструмента политизации региональных процессов. Нельзя согласиться с мнением казанской исследовательницы М. М. Имашевой, которая пишет, что «с начала 1990-х гг. сюда был направлен (кем? – В. В., А. М.) мощный поток мигрантов из республик Северного Кавказа, который в короткие сроки привел к изменению этнической и конфессиональной структуры населения в Астраханской области» [6]. Оценка явно предвзятая. Она полностью опровергается социальными и миграционными характеристиками местного ислама в контексте региональной демографии, которая представлена в таблице и последующем описании.

Таблица показывает, что в Астраханской области налицо демографическая «подвижность» мусульманского населения, из которого численность северокавказских мусульман даже уменьшилась. Это позволяет говорить о том, что Астрахань очень часто используется как транзитный пункт для миграции в другие регионы. Теперь посмотрим, за счёт чего происходил приток числа мусульманского населения. Он происходил за счёт двух факторов:

- 1) за счёт рождаемости казахского сельского населения;
- 2) за счёт миграции 1990-х гг., когда преобладали русские, но были выражены татары и другие мусульмане. С 1988 г. в область прибыло более 80 тыс. мигрантов, из которых в регионе осело 63–65 тыс. чел. Из них: русские – до 45 тыс. чел. (75 %); татары – 4 тыс. чел.

¹ Интервью с бывшим уполномоченным по правам человека в Астраханской области, ныне – сотрудником Астраханского государственного университета В. Виноградовым. Астрахань, июнь 2004 г.

(7 %); азербайджанцы (с талышами) – 3,5 тыс. чел. (5,5 %); дагестанцы – 4,3 тыс. чел. (7,1 %); чеченцы – 3 тыс. чел. (5 %); турки-месхетинцы, таджики, узбеки – 2,3 тыс. чел. (3 %).

Таблица

Мусульманское¹ население в Астраханской области (количественные параметры)²

Население Астраханской области в целом		
1989 г.	2004 г.	2010 г.
1 млн чел.	1 млн 20 тыс. чел.	1 млн 10 тыс.
Из них:		
Казахи:		
13 %	14,5 %	16,3 %
Татары:		
–	7,2 %	6,7 %
Дагестанцы (более 30 этносов):		
В 1959 г. было 239 чел.	1,8 % (30 тыс. чел.)	1,5 %
Чеченцы:		
0,8 %	1 % (15–20 тыс. чел.)	0,8 %
Азербайджанцы (с талышами):		
0,5 %	0,8 %	0,9 %
Ногайцы:		
0,4 %	0,5 %	0,8 %
Туркмены:		
–	0,2 %	0,25 %
Узбеки:		
–	0,1 %	0,3 %

Думается, данное объяснение нуждается в дополнении и уточнении, поскольку миграции и перемещения были характерны для Астрахани во все времена. На наш взгляд, самой отличительной характеристикой мусульманского развития Астрахани на всех этапах истории было то, что оно происходило в рамках превращения региона в «композиционное» и «многосоставное сообщество», в рамках которого развивались самые разные мусульманские сообщества. Это значит, что в регионе обычной является ситуация, когда несколько мусульманских групп, имеющих различные этнические и демографические признаки, тесно взаимодействуют друг с другом. По данным астраханских историков, до революции 1917 г. в Астрахани были представлены самые различные формы мусульманства как в богословском, так и в институциональном плане. Например, собственную мечеть имел каждый астраханский торговый двор: от Бухарского и Агрыжанского до Гилянского [5]. Это позволяет говорить о пограничном своеобразии местного ислама и окраинной мутации его различных направлений. Астрахань, стоящая на перекрестке Поволжского, Кавказского и Среднеазиатского миров и являющаяся точкой поглощения интенсивных исламских перемещений, сама выступает средоточием самых немыслимых и экзотических форм мусульманства, включая маргинальные.

В силу вышеуказанных пограничных характеристик Астраханский регион впитывал в себя все формы ислама: как классического и периферийного. Эти процессы развивали и изменяли картину российского исламского сообщества в целом. В немалой степени именно поэтому многим кажется, что здесь не формируется атмосфера конфликтных культурных разграничений. Путешественники воспринимали Астрахань как действительно уникальный город, в котором спокойно уживаются Запад и Восток, христианство и ислам. Так, известный шотландский миссионер отмечал, что Астрахань «в силу её территориального положения... можно считать великим ключом не только к народам, исповедующим христианство и населяющим страны между Каспийским и Чёрным морями, но и к нескольким миллионам магометан и значительному числу язычников Центральной Азии» [4].

¹ Традиционно тяготеющее к исламу – разное по интенсивности и различное по толкованию.

² Таблица составлена на основе данных, в том числе данных переписи 2010 г., предоставленных бывшим советником губернатора Астраханской области В. М. Викториним, а также из следующих источников: msource.ru/public/regionalnyj_blok_astrahanskaja_oblast/ethnicheskij_sostav_naselenija/perepis_2010_nacionalnyj_sostav_naselenija_astrahanskaj_oblasti/32-1-0-98.

Характер и направления каспийско-предкавказских исламских коммуникаций. Постсоветское мусульманское развитие Астрахани во многих своих аспектах действительно стало продолжением процесса стремительной социально-мусульманской трансформации на Северном Кавказе. Главным образом как результат религиозно-политического давления из соседнего прикаспийского региона – Дагестана. В этом отношении центральное звено (Дагестан) отличается более высоким уровнем религиозно-политической мобилизации. Её можно рассматривать в качестве пассионарного «ядра» миграционного и религиозного давления на соседние регионы России. В описываемой системе мусульманских коммуникаций по линии Дагестан – Астрахань, последняя сыграла роль не только удобного перекрёстка, но и уютного прибежища.

Здесь необходимо отметить, что ещё до революции 1917 г. в Астрахани было сильное влияние дагестанского суфизма, которое впоследствии было утрачено. Однако наиболее активные мусульманские коммуникации по линии Дагестан – Астрахань сложились в ранний постсоветский период и имели все признаки политизации. Приведем наиболее показательные эпизоды исламо-политического воздействия Дагестана на Астрахань.

1. Сразу после распада СССР, в период наиболее активной фазы исламского возрождения в России в начале 1990-х гг. именно Астрахань превратилась в один из центров мусульманского партийно-политического строительства в стране. В частности, здесь 9 июня 1990 г. было объявлено о создании Исламской партии возрождения (ИПВ «Надхат») – первой в Советском Союзе мусульманской политической организации. Это случилось на «неформальном» съезде, который был организован мусульманскими деятелями из Дагестана и московскими исламскими активистами. При этом дагестанское влияние было сильным и неоспоримым. Видный мусульманский ученый из дагестанского села Кудали Ахмед-Кадри Ахтаев был выбран в качестве председателя Совета улемов (исламских учёных) и амиром новой партии¹. Влиятельными инициаторами создания новой партии стали братья Аббас и Багаутдин Кебедев – одни из лидеров так называемого «обновленческого» Кизилюртовского исламского общества в Дагестане. Астрахань, по словам лидеров оргкомитета, привлекал своей спокойной жизнью и окраинным (по исламским и политическим меркам) расположением. На вопрос: «Почему в Астрахани?» последовало следующее разъяснение организаторов: «Здесь у вас мирно и спокойно!» [7]

2. Данная тенденция закрепилась и в последующие годы. В 1996 г. именно в Астрахани братья Хачилаевы – активисты лакского национального движения «Кази – Кумух», создавшие такую известную политическую структуру, как «Союз мусульман России», заявили о своих планах стать религиозными лидерами Астрахани и взять под собственную опеку все мусульманские приходы региона. Это был прямой вызов в адрес бывшего астраханского муфтия Назымбека-хазрята – многолетнего лидера местной исламо-политической сцены. Конфликт закончился победой последнего и местного мусульманского сообщества, которые совместно нейтрализовали амбиции лидеров «Союза мусульман России».

3. Влияние, а в чём-то и давление кавказского исламского фактора на Астрахань было продолжено тем, что в городе была предпринята попытка открытия филиала Буйнакского исламского института. Однако и в данном случае астраханское мусульманское руководство выступило против кавказского давления, сумев защитить свои позиции. Местные лидеры учредили своё отдельное медресе, которое в 1999 г. получило статус Исламского института.

4. Однако это ещё не всё. Не менее активно дагестанский фактор проявился в сегменте радикального ислама. В начале и середине 1990-х гг. в Астрахани сформировалась знаменитая и уже упомянутая выше община так называемых «мусульманских обновленцев» (которых по привычке называли «ваххабитами»), вокруг которой к концу десятилетия разгорелись громкие конфликты. Костяк общины составляли переселенцы-аварцы, которые группировались вокруг семьи Омаровых. Руководил общиной весьма неоднозначный религиозный лидер Айюб (Ангута) Омаров. В первой половине 1990-х гг. здесь наблюдался взлёт и падение феномена, ставшего известным как «община Айюба» – закрытой салафитской группировки сторонников астраханского «фундаменталистского обновленчества», которую многие по привычке охотно называли «ваххабистской» [11].

¹ Видный исламский богослов и мыслитель, один из зачинателей мусульманского движения в России, чья смерть в 1998 г. была воспринята как значительная утрата для отечественной исламской мысли.

Рассмотренные процессы подтверждают роль Астрахани как удобной окраинной «периферии», которая в состоянии поглощать пассионарное исламское давление с Северного Кавказа. Что касается внутрирегионального мусульманского развития, то пограничная ситуация Астраханской области интернационализировала процесс исламского развития в области и не обеспечила доминирующего статуса ни одному из элементов местного мусульманского сообщества. Астраханское исламское сообщество оказывается состоящим из слабо интегрированных различных элементов, каждый из которых старается соблюдать принцип мирного сосуществования и межобщинного баланса. Думается, именно это является фундаментом единства астраханской мусульманской уммы на фоне слабости административных структур духовного управления Астраханской области (АРДУМ).

Описанный характер эволюции местного ислама, помимо всего прочего, усиливал потенциал социально-политической «пластичности» и устойчивости региона перед лицом различных рисков. Здесь проявились различные субъекты, политизирующие ислам: местные религиозные элиты, дагестанские религиозные активисты, исламские партии и движения. Данные явления подтверждают принцип исторической диалектики о том, что на периферии возможны активные и неординарные проявления исламского подъёма. Однако при негативном развитии событий Астрахань может с лёгкостью превратиться в проводника конфликтных импульсов и в уязвимый пограничный объект для воздействия радикально настроенных группировок. Теракт в Астрахани в 2017 г., ответственность за который взяло на себя ИГИЛ, ещё раз продемонстрировал зловещий потенциал пограничных миграций джихадистских группировок.

Власти Астраханской области деятельно опекают местные мусульманские общины для сохранения межконфессиональной и политической стабильности в регионе. Руководству Астраханской области удалось предотвратить ситуацию превращения региона в арену борьбы различных мусульманских группировок, которые охотно используют антиваххабитскую риторику и силовые структуры для достижения своих целей, как это происходило в Дагестане. Более того, астраханским политическим акторам удалось предотвратить экспорт антиваххабитской кампании из Дагестана. Регион стал своего рода амортизатором, поглощающим энергию исламополитической нестабильности, идущей из Дагестана.

Таким образом, пограничный и транзитно-коммуникационный фактор начал оказывать значительное воздействие на развитие ислама в Астраханском регионе. Между Астраханской областью и северными провинциями Ирана происходит увеличение экономических контактов. Данный процесс сопровождается ростом культурного взаимодействия, в котором значительную роль играет исламский фактор. Так, в Астрахани работает ряд общественных организаций (например, фонд «Гармония»), которые способствуют расширению контактов с учебными и религиозными центрами Ирана, в частности, с Всемирным центром исламских наук в г. Кум. Сотрудничество в образовательной сфере регулярно обсуждается во время встреч руководителей Астраханской области с ректорами иранских университетов (например, провинции Гилян). Так что развитие международного сотрудничества с мусульманскими странами демонстрирует высокую значимость исламского компонента в Астраханском регионе.

Список литературы

1. Абдулагатов, З. Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом / З. Абдулагатов // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – № 1 (37). – С. 57–67.
2. Астрахань – «Каспийский хаб» российского ваххабизма. – 07.04.2017. – URL: <https://eadaily.com/ru/information/about/https://eadaily.com/ru/news/2017/04/07/astrahan-kaspiyskiy-hab-rossiyskogo-vahhabizma>.
3. Барков, Л. Ваххабиты на Волге / Л. Барков, В. Боровский, О. Волков // Время МН. – 2000, 22 февраля. – С. 5.
4. Баталден, С. Мусульманский и еврейский вопросы в России эпохи Александра 1 глазами шотландского библеиста и путешественника / С. Баталден // Вопросы истории. – 2004. – № 5. – С. 48–59.
5. Викторин, В. М. К проблеме поволжско-предкавказского исламского «обновленчества» в мирной и радикальной формах (90-е гг. 20 в.) / В. М. Викторин // Евразийское пространство в постсоветский период: этнокультурная специфика социальных и культурных процессов. – Волгоград, 2001. – № 1. – С. 46–59.

6. Имашева, М. М. Миграция из республик Северного Кавказа как фактор радикализации ислама в Астраханской области в 1990–2010-е гг. / М. М. Имашева // Транснациональная и национальная адаптация мигрантов-мусульман Евразии. – Казань, 2019. – С. 67–82.
7. Магомедов, А. К. Ислам и политика в постсоветской России: «ядро» и «периферии» мусульманского пространства / А. К. Магомедов, К. Мацузато, В. В. Викторин. – Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2007. – 89 с.
8. Панова, Т. Ваххабиты города Астрахани. В городе на Волге действует крупнейшая в России община мусульман-неофитов / Т. Панова // Сегодня. – 1998, 15 августа. – № 179 (1314). – С. 1–2.
9. Сызранов, А. В. Государство и ислам в Поволжье в 1991–2008 гг. (историография вопроса) / А. В. Сызранов // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. – 2013. – № 3. – С. 26–30.
10. Goncharova, N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration / N. Goncharova // Auf Der Suchenach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskulturzwischen Russland und Europa / Hg. M. Kaiser. – Bielefeld, 2004. – S. 220–247.
11. Magomedov, A. Islam in the Caspian and the Caucasian Foothills Borderland: Social and Religious Revival on the Fringes of the Muslim World / A. Magomedov, V. Viktorin // Central Asia and the Caucasus. – Luleo : CA&CC Press Sweden, 2005. – № 5 (35). – С. 121–134.
12. Yemelianova, G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation / G. Yemelianova // Nationalities Papers. – 1999. – Vol. 27, № 4. – P. 605–629.

References

1. Abdulgatov, Z. Dagestan i Tatarstan: dve tendentsii v gosudarstvenno-konfessionalnykh otnosheniyakh, opredelyaemykh rossiyskim islamom [Dagestan and Tatarstan: two trends in state-confessional relations determined by Russian Islam]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], 2005, no. 1 (37), pp. 57–67.
2. *Astrakhan – "Kaspiyskiy khab" rossiyskogo vakhkhabizma* [Astrakhan – "Caspian hub" of Russian Wahhabism]. 07.04.2017. Accessed: <https://eadaily.com/ru/information/about/eadaily.com/ru/news/2017/04/07/astrahan-kaspiyskiy-hab-rossiyskogo-vahhabizma>.
3. Barkov, L., Borovskiy, V., Volkov, O. Vakhkhabity na Volge [Wahhabis on the Volga]. *Vremya MN* [Time MN], 2000, 22 fevralya, p. 5.
4. Batalden, S. Musulmanskii i evreyskii voprosy v Rossii epokhi Aleksandra 1 glazami shotlandskogo bibleista i puteshestvennika [Muslim and Jewish issues in Russia during the Alexander era through the eyes of a Scottish biblical scholar and traveler]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2004, no. 5, pp. 48–59.
5. Viktorin, V. M. K probleme povolzhsko-predkavkazskogo islamskogo "obnovlenchestva" v mirovy i radikalnoy formakh (90-e gg. 20 v.) [On the problem of the Volga – Ciscaucasia Islamic "renovationism" in peaceful and radical forms (90s of the 20th century)]. *Yevraziyskoe prostranstvo v postsovetskiy period: etnokulturnaya spetsifika sotsialnykh i kulturnykh protsessov* [Eurasian space in the post-Soviet period: ethnocultural specificity of social and cultural processes]. Volgograd, 2001, no. 1, pp. 46–59.
6. Imasheva, M. M. Migratsiya iz respublik Severnogo Kavkaza kak faktor radikalizatsii islama v Astrakhanskoj oblasti v 1990–2010-e gg. [Migration from the republics of the North Caucasus as a factor in the radicalization of Islam in the Astrakhan region in the 1990–2010s]. *Transnatsionalnaya i natsionalnaya adaptatsiya migrantov-musulman Yevrazii* [Transnational and national adaptation of Muslim migrants of Eurasia]. Kazan, 2019, pp. 67–82.
7. Magomedov, A. K., Matsuzato, K., Viktorin, V. V. *Islam i politika v postsovetskoj Rossii: "yadro" i «periferii» musulmanskogo prostranstva* [Islam and politics in post-Soviet Russia: the "core" and "periphery" of the Muslim space]. Ulyanovsk, Ulyanovskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2007, 89 p.
8. Panova, T. Vakhkhabity goroda Astrakhani. V gorode na Volge deystvuet krupneyshaya v Rossii obshchina musulman-neofitov [Wahhabis of the city of Astrakhan. In the city on the Volga there is the largest community of neophyte Muslims in Russia]. *Segodnya* [Today], 1998, 15 avgusta, no. 179 (1314), pp. 1–2.
9. Syzranov, A. V. Gosudarstvo i islam v Povolzhe v 1991–2008 gg. (istoriografiya voprosa) [State and Islam in the Volga region in 1991–2008 (historiography of the issue)]. *Vestnik MGOU. Seriya "Istoriya i politicheskie nauki"* [Bulletin of the Moscow State Educational Institution. Series "History and political sciences"], 2013, no. 3, pp. 26–30.
10. Goncharova, N. Russische Muslime in Tatarstan und Dagestan: Zwischen Autonomie und Integration [Russian Muslims in Tatarstan and Dagestan: Between Autonomy and Integration]. *Auf Der Suchenach Eurasien. Politik, Religion und Alltagskulturzwischen Russland und Europa* [Looking For Eurasia. Politics, religion and everyday culture between Russia and Europe]. Ed. by M. Kaiser. Bielefeld, 2004, pp. 220–247.
11. Magomedov, A., Viktorin, V. Islam in the Caspian and the Caucasian Foothills Borderland: Social and Religious Revival on the Fringes of the Muslim World. *Central Asia and the Caucasus*. Luleo, CA & CC Press Sweden, 2005, no. 5 (35), pp. 121–134.
12. Yemelianova, G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation. *Nationalities Papers*, 1999, vol. 27, no. 4, pp. 605–629.